ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

Живая душа за острожной стеной

Андрей РУМЯНЦЕВ

К 195-летию со дня рождения и 135-летию со дня кончины Фёдора Михайловича Достоевского

При имени Фёдора Михайловича Достоевского мы вспоминаем его великие романы. Каждый из них – это особый мир, в котором любой персонаж имеет сложную судьбу, таит свои душевные загадки, может поразить ангельской кротостью и смирением или необузданными страстями. И каждый роман – это русский мир.

Но всё же впервые писатель запечатлел его во всём многообразии лиц, характеров и судеб не в романах. Он увидел русскую жизнь в обстоятельствах трагических и нарисовал её со всеми мрачными подробностями в "острожной книге" – в "Записках из Мёртвого дома".

Достоевский начал работу над "Записками" ещё в Семипалатинске, куда после острога был направлен рядовым Сибирского линейного батальона; впрочем, обдумывал своё произведение он даже раньше, в тюрьме. Когда однажды сюда прибыл с проверкой чиновник из Петербурга и спросил Достоевского, не писал ли он чего в остроге (это категорически запрещалось), тот остроумно ответил:

– Ничего не писал и не пишу, но материалы для будущих писаний собираю.

– Где же материалы эти находятся?

– У меня в голове.

Достоевский напечатал "Записки" в основанном им журнале "Время" в 1861-1862 годах, после восьми лет жизни на каторге и поселении. Позже в одном из писем он признавался: "Мой "Мертвый дом" сделал буквально фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию".

* * *

Страшная правда... Так в двух словах можно выразить впечатление, которое произвело на русскую публику сочинение писателя. Критик и историк литературы Александр Милюков вспоминал: "Хотя новость книги, посвященной исключительно быту каторжных, мрачная канва всех этих рассказов о страшных злодеях и, наконец, то, что сам автор был только что возвращенный политический преступник, смущали несколько цензуру; но это, однако же, не заставило Достоевского уклониться в чем-нибудь от правды. И "Записки из Мертвого дома" производили потрясающее впечатление: в авторе их видели как бы нового Данта, который спускался в ад, тем более ужасный, что он существовал не в воображении поэта, а в действительности".

Достоевский послал в Париж И.Тургеневу номера журнала с публикацией "Записок". Иван Сергеевич откликнулся сразу: "Очень Вам благодарен за присылку двух номеров "Времени", которые я читаю с большим удовольствием. Особенно – Ваши "Записки из Мёртвого дома". Картина бани просто дантовская..." Тогда же свой отзыв опубликовал Александр Герцен. Эпоха пятидесятых, считал он, "оставила нам одну страшную книгу, своего рода carmen horrendum (ужасающую песнь), которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад: это "Мёртвый дом" Достоевского, страшное повествование, автор которого, вероятно, и сам не подозревал, что, рисуя своей закованной рукой образы сотоварищей-каторжников, он создал из описания нравов одной сибирской тюрьмы фрески в духе Буонаротти".

В самом деле, увидев вблизи, лицом к лицу, Россию каторжную, то есть самую униженную и обездоленную, беззащитную перед произволом, выброшенную из нормальной человеческой жизни, писатель ужаснулся её положению. И собственному тоже: эта Россия не могла относиться к нему, дворянину, с уважением, пониманием и состраданием. Позже он писал брату: "С каторжным народом я познакомился ещё в Тобольске и здесь, в Омске, расположился прожить с ним четыре года. Это народ грубый, раздражительный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостию о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. Впрочем, посуди, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить-есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностию всевозможных оскорблений.

"Вы, дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал" – вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которое они не могли не понимать и уважали, и неподклонимостью их воле. Они всегда сознавали, что мы выше их".

Тем более странным, на первый взгляд, может показаться то, что Достоевский с большим пониманием, сочувствием и доброжелательностью описывает обитателей "острожного гнезда". Откуда же взялись душевное тепло и сострадание, которыми проникнута каждая строка сочинения, потрясшего Россию?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как понимал Достоевский правду в художественном произведении. В 1877 году в "Дневнике писателя" он вспоминал, как когда-то воспринял его первый роман "Бедные люди" В.Белинский. Мнение критика Достоевский приводит с внутренней гордостью и согласием, поэтому можно привести его, как отчасти и суждение самого автора романа:

"...Он заговорил пламенно, с горящими глазами: "Да вы понимаете ль сами-то, – повторил он мне несколько раз и вскрикивая по своему обыкновению, – что это вы такое написали!". Он вскрикивал всегда, когда говорил в сильном чувстве. "Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет это понимали. Да ведь этот ваш несчастный чиновник – ведь он до того заслужился и до того довел себя уже сам, что даже и несчастным-то себя не смеет почесть от приниженности и почти за вольнодумство считает малейшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смеет принять, и когда добрый человек, его генерал, дает ему эти сто рублей – он раздроблен, уничтожен от изумления, что такого, как он, мог пожалеть "их превосходительство", не его превосходительство, а "их превосходительство", как он у вас выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, а эта минута целования генеральской ручки, – да ведь тут уж не сожаление к этому несчастному, а ужас, ужас! В этой благодарности-то его ужас! Это трагедия! Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертою, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому не рассуждающему читателю стало вдруг всё понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..".

Какую же особенность художественного гения предугадал в творчестве Достоевского критик? Умение в будничном поступке, в малоприметном жесте человека, в данном случае человека "приниженного", привыкшего к рабству, увидеть и передать всю бездну этого рабства. Способность понять по-братски, по-христиански всю унизительность и невозможность такого существования, такого глумления над человеческим достоинством. Этот дар писателя, так поразивший Белинского в романе "Бедные люди", с необычайной силой проявился и в "Записках из Мёртвого дома".

А.Милюков, о котором мы упоминали, писал об этом так: "Из всех рассказов Достоевского о его житье в каторге можно было видеть, какое он вынес оттуда впечатление. Если прежде своей ссылки он особенно любил подмечать теплое чувство и симпатичные черты в бедной и приниженной среде, то теперь, кажется, ещё внимательнее всматривался в людей, отверженных обществом, и старался отыскать в них ту искру Божию, о которой говорил в своих позднейших сочинениях. Вспоминая о преступниках, каких ему пришлось видеть в каторжном остроге, он не относился к ним с брезгливостью и презрением человека, который по образованию стоял неизмеримо выше их, а старался найти какую-нибудь человеческую черту в самом ожесточенном сердце. С другой стороны, он не жаловался никогда на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора, ни на загубленные цветущие годы своей молодости.

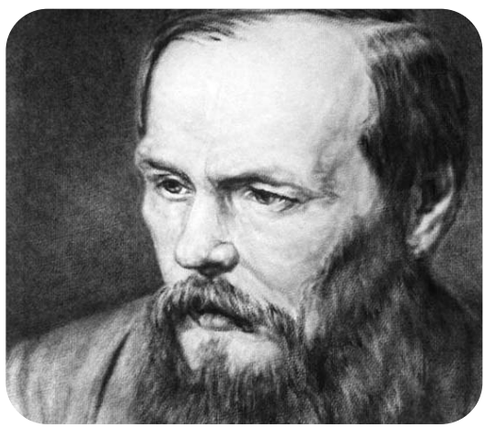
Правда, и от других возвратившихся из каторги петрашевцев мне не случалось слышать резких жалоб, но у них это, кажется, происходило от присущего русскому человеку свойства не помнить зла; у Достоевского же соединялось ещё как будто с чувством благодарности к судьбе, которая дала ему возможность в ссылке не только хорошо узнать русского человека, но вместе с тем и лучше понять самого себя. О долгих лишениях в остроге говорил он неохотно и только с горечью вспоминал о своем отчуждении от литературы, но и тут прибавлял, что, читая по необходимости одну Библию, он яснее и глубже мог понять смысл христианства".

В остроге Фёдор Михайлович пережил духовное перерождение. Его мировоззрение изменилось; от взглядов петрашевца по сути мало что осталось; Достоевский предстал таким, каким мы воспринимаем его как автора романов "Униженные и оскорбленные", "Преступление и наказание", "Идиот", "Бесы", "Подросток", "Братья Карамазовы". "Записки из Мёртвого дома" писались уже после острога и ссылки, поэтому основы этого нового мировоззрения в "сибирском" произведении хорошо видны. Тот гуманизм, который привлекает к творчеству Достоевского весь мир, пронизывает и страницы "Записок": "Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а всё-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает своё место перед начальником; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следственно, и надо с ним обращаться по-человечески. Боже мой! да человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнул образ божий. С этими-то "несчастными" и надо обращаться наиболее по-человечески. Это спасение и радость их...".

* * *

...Достоевский не жалел собственного сердца, когда писал свою исповедальную книгу. Главный герой её – он сам. Но герой этот раскрывается не в поступках, не в тюремных историях, которых, судя по "Запискам", было немало, – он участвует в них в особом качестве. Он осмысливает эти истории, эти поступки других арестантов, он, рассказывая, возмущается и радуется, осуждает и прощает, брезгливо сторонится и сострадает. И всякий раз открывает свою душу, которую миллионы читателей называют поэтической, мудрой, страдающей, светоносной. Все страницы "Записок" одухотворены присутствием необыкновенного повествователя.

"Шарик был наша острожная собака, так, как бывают ротные, батарейные и эскадронные собаки. Она жила в остроге с незапамятных времен, никому не принадлежала, всех считала хозяевами и кормилась выбросками из кухни. Это была довольно большая собака, черная с белыми пятнами, дворняжка, не очень старая, с умными глазами и с пушистым хвостом. Никто-то никогда не ласкал её, никто-то не обращал на неё никакого внимания. Ещё с первого же дня я погладил её и из рук дал ей хлеба... Теперь, долго меня не видя, – меня, первого, который в несколько лет вздумал её приласкать, она бегала и отыскивала меня между всеми и, отыскав за казармами, с визгом пустилась мне навстречу. Уж и не знаю, что со мною сталось, но я бросился целовать её, я обнял её голову; она



вскочила мне передними лапами на плеча и начала лизать мне лицо. "Так вот друг, которого мне посылает судьба!" – подумал я, и каждый раз, когда потом, в это первое тяжелое и угрюмое время, я возвращался с работы, то прежде всего, не входя ещё никуда, я спешил за казармы, со скачущим передо мной и визжащим от радости Шариком, обхватывал его голову и целовал, целовал её, и какое-то сладкое, а вместе с тем и мучительно горькое чувство щемило мне сердце...".

Уже в этой книге Достоевский поднимается до таких высот в понимании человеческой души, на которых он пребывал позже, как автор знаменитых романов. Здесь впервые он даёт понять нам, что о людях, даже хорошо знакомых, близких, нельзя судить определенно, окончательно, вынося скорые приговоры. Если уж сам человек иногда не может ответить, почему он поступил именно так в минуту ответственного решения, то что же скажет наблюдатель со стороны? Только большой знаток души способен сделать верный прогноз. Таким был Достоевский. Но психологизм своих произведений писатель объяснял по-своему. "Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой". Не в "Записках" ли впервые поставил он цель: изучить человека со всех сторон, понять тайные мотивы его поступков, заметить мельчайшие нюансы его переживаний? Ведь ещё в восемнадцатилетнем возрасте он вывел для себя: "Человек есть тайна. Её надо разгадать, ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком".

"Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником. Но, обвиняя себя, он тем-то и доказывает, что не верит в "среду"; верит, напротив, что среда зависит вполне от него, от его беспрерывного покаяния и самосовершенствования. Энергия, труд и борьба – вот чем перерабатывается среда.

Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства. "Достигнем того, будем лучше, и среда будет лучше". Вот что невысказанно ощущает сильным чувством в своей сокрытой идее о несчастии преступника русский народ".

Однако и это не всё. Как писатель, исследовавший проблемы до самых глубин, видевший их прямые и косвенные связи, Достоевский признавал и "среду": она существует как порождение неправедного государства, господствующего взгляда тех, кто властвует.

В России, замечал Достоевский в той же самой статье из "Дневника", из которой мы взяли приведенные строки, "началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно; убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана (Боже мой, это же о нынешней нашей жизни сказано! – *А.Р.*)... В Петербурге, две-три недели тому, молоденький паренек, извозчик... вез ночью старика и старуху, и, заметив, что старик без сознания пьян, вынул перочинный ножичек и стал резать старуху... Вот тут именно среда. Его захватило и затянуло, как в машину, в современный зуд разврата...". Появился пришелец, писал Достоевский, денежный мешок. "...главная вина этого пагубного пришельца в том, что он стал над народом как соблазн и развратительная идея..."

Словом, в сибирский период жизни Достоевского начали складываться его нравственные идеалы, мировоззренческие, православные взгляды. И на страницах "Записок из Мёртвого дома" их основы уже определились. После книги о каторге как естественные и выстраданные воспринимаются многие-многие строки "Дневника писателя" и других публицистических произведений Достоевского. Среди этих строк, как итог раздумий над народной судьбой, могут быть приведены, например, такие:

"Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал...".

"Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее...".

* * *

После смерти Достоевского его друг поэт Аполлон Майков сказал в поминальной речи:

"Писатель, художник, мыслитель живет в своих произведениях. Читайте их, вдумывайтесь в них, разгадывайте смысл выведенных ими образов, прочтите в них недосказанное – и вы войдете в самые тайники души писателя и узнаете его, может быть, лучше, чем его близкие, узнаете из них более, чем из всей его обстановки, трудолюбиво составленной биографии, более даже, чем из посмертной (т.е. посмертно изданной, – *А.Р.*) переписки, ибо в письмах человек пишет иногда под влиянием минуты...".

Поклонников Достоевского в этом не надо убеждать. Но, думается, читают они всё же больше романы писателя. А между тем, для всех, кто хотел бы лучше узнать душу Федора Михайловича, его характер и судьбу, его самые сокровенные думы о своём народе и соотечественнике, лучшего дневника, чем "Записки из Мёртвого дома", не найти.

(Полная версия – на сайте)

Да не прячьте вы взгляд…

Евгений ЛЕСИН

* * *

Собаки
людей спасали.
Бегали
среди тел.
Думали
не о сале,
Искали,
кто ещё цел.

Людей спасали собаки.
Искали, кто ещё жив.
Устали, как после драки.
Вид у них некрасив.

Собаки бегали, выли.
Но в основном они
Мёртвых лишь находили
В те осенние дни.

Такая у псов профессия.
Так почему же вдруг
У них началась депрессия?
Разом свалил недуг.

Все до одной собаки
В звериной тоске слегли.
А люди пляшут в Ираке,
И прочих концах Земли.

У людей другая конфессия:
Рады беде чужой.
А у собак депрессия.
И оклад небольшой.

* * *

Снесли ларьки.
Теперь у нас комфорт.
Везде лицензионная торговля.
Законно всё, уютно и культурно.
Теперь везде торгуют прямо с рук.

Снесли ларьки. Они любимый город
Уродовали каждый божий день.
Особенно в подземных переходах
(Теперь там безопасно и темно).
А скоро станет чисто и уютно,
Ремонт идёт уже четвёртый год.

Снесли ларьки. А с ними и деревья
Повырубили: XXI век.
Кому нужные зелёные деревья?
Проклятых коммунистов пережитки?
И чаянья зловредных либералов?
И подлых нацпредателей чума?

Снесли ларьки.
Искусственные розы,
А может, и не розы, а гробы,
Но бережно наш город украшают.

Покончили с торговлею стихийной.
Киоски посносили и теперь –
Теперь везде
вполне лицензионно
Культурно вас обманут прямо с рук.

* * *

За нас горой – озёра и моря.
Каналы тоже: Первый и гребной.

Вот радость-то: в начале ноября
Дождь проливной.
Наверное, грибной.

Убийцы закричали о добре.
По ним тюрьма не плачет и сума.
Когда весна приходит в ноябре,
То кажется, что мы сошли с ума.

Сегодня будет лучше, чем вчера.
Поддерживает Партию народ…
По лужам бодро шлёпаешь с утра,
Чтоб вечером лицо разбить об лед.

* * *

Закон суров, на то он и закон.
Москва-река по грудь,
трава по пояс.
В Москве заснёшь
под колокольный звон,
А в Тушине заснёшь
под скорый поезд.

Который едет в Ригу, как тогда,
Когда мы были всё-таки моложе.
И различали только города,
И верили почти в одно и то же.

В начале было очень много слов,
Спокойно, закрываются кавычки.
В Москве разбудит звон колоколов,
А в Тушине разбудят электрички.

* * *

Она говорила про лесбос
И плакала в рюмку вина.
Читатель ждёт рифмы
"троллейбус".
Пожалуйста, вот и она.

Потрогал мадонну за ляжку,
Сморкался и плакал в кашне.
И Аннушка встретит Букашку
Теперь уже только во сне.

Не сказка, не сага, не эпос,
А скверный гнилой анекдот.
Последний случайный троллейбус
Давно никуда не идёт.

* * *

Куда ни глянь – элитная парковка.
Везде озелененье – первый сорт.
Известно:
есть и в Лондоне Хитровка,
Но в Лондоне она – аэропорт.
Не выберешь –
горилка или грелка.
У нас Роскомнадзор, у вас ПАСЕ.

У каждой стрелки дома
скачет белка,
Но в чёртовом, конечно, колесе.

Идешь порой на Малую Лубянку
И думаешь: допустим, Томас Мор
Скущуху ждал,
похоже, за сознанку.
А получил, естественно, топор.

Скучаешь на пиру у Асмодея,
Державный бес не ценит красоты.
Утопия по-нашему – Нигдея.
Менты же и в Британии – менты.

* * *

О боже, как завидовал я тем,
Кто оттепель застал: была свобода
В те годы для советского народа.
А нам достались пни, а не Эдем.

И кто бы мог подумать, что голяк
Закончится, и наглая прослойка
Опять дождётся счастья –
перестройка
Нагрянула в уютный наш ГУЛаг.

А после 90-е, как зверь…
Немногие грустят о них, но всё же
Жизнь человека стоила дороже,
Чем в нулевые годы и теперь.

Теперь везде мечети, черный рэп,
Тоталерантность,
бьют невиноватых,
17-й грядёт… Зато в 20-х
Была у нас в Совдепии и НЭП.

* * *

Даже если мы раны залижем,
Пролетели, кряхти – не кряхти,
Как фанера над мокрым Парижем,
Все этапы большого пути.

Да не прячьте вы
взгляд виноватый.
Наплевать нам на времени бег.
Прошлый век – всё равно не XX-й,
А ещё XIX век.

Не любили мы к стенке припёртых.
И не знали дороги кривой.
На Гражданской
мы были за мёртвых,
За живых – на Второй мировой.

Ничего нам в итоге не светит,
Если вдруг разобраться всерьёз.
И никто никогда не ответит
На не заданный, в общем, вопрос.

* * *

Лежит на тарелке свинина,
Нет сил, но и нету отказа.
А рядом гудит Украина –
Россия без нефти и газа.

Ты веришь, а я не играю.
И верю, без пива и сала,
В Москву без конца и без краю,
В Москву от реки до канала.

Читаешь "Историю глаза"
И бабу бранишь пенелопой.
Россия без нефти и газа,
Не станешь ты, птица, Европой.

* * *

Троллейбус 12-й, очень красивый,
Меня подхватил,
и везёт, дурака.
Троллейбус идёт
по Москве и России.
Направо – стена, а налево – река.

И едем спокойно,
почти без усилий,
Пора поворачивать нам к Моховой.
Направо – Спаситель,
налево – Василий,
Мы едем Россией и едем Москвой.

"Москву" и "Россию"
снесли, не спросили,
А мы продолжаем
троллейбусный путь.
Троллейбус идёт
по Москве и России.
На улицу Горького чтобы свернуть.

И в Тушино ехать.
Большое спасибо, –
Троллейбусу вслух
я зачем-то сказал.
Троллейбус идёт
по Москве и России.
Уже позади Белорусский вокзал.

Троллейбус 12-й, белый и синий.
Слегка поседела моя борода.
Троллейбус идёт
по Москве и России,
Пока вся планета летит в никуда.

СУДЬБЫ ПОЭТОВ

Я досмотрел
"Таинственную страсть"
Про классиков,
сошедших с пьедестала.
Вообще-то мне
давно на всё накласть,
Но тут конкретно
вдруг обидно стало.

Жую свою невкусную котлету,
Смотрю по телевизору LG,
Как раньше жили русские поэты,
Однако, чтобы я, таки, так жил!

Не вылезать из Штатов и Европы,
За вечный мир участвуя в борьбе,
И посылать с пол-оборота в ж.пу
Всех старших офицеров КГБ.

Всё КГБ стояло на ушах,
Но даже пальцем
тронуть не посмели
Питомцев муз,
что были в корешах
У Кеннеди,
Пикассо, Фельтринелли.

Мы не забудем это поколение
Которое, б...ь, противопоставило
Прямую, как стрела,
секвойю Ленина
Гулаговской таёжной ёлке Сталина.

Герои, камикадзе… На штыки
Готовы, и в психушки и на зоны.
В свободные часы – текстовики
Великих Пугачёвой и Кобзона.

Дрожали сталинисты-палачи,
Их застыдили храбрые ребята.
Стихи ребят, как Пушкин насучил,
Были вполне слегка придурковаты.

На Прагу наезжал советский танк,
В Москве лилось вино,
скрипели койки.
То Гойей был поэт,
то Анной Франк,
А то простой
бетонщицей со стройки.

Была бесценна каждая минута,
Воздушные ревели корабли.
То на рубли менялася валюта,
А то валюта продавалась за рубли.

Вся жизнь неслась,
как праздник и скандал.
На них ведь
сам Хрущёв ногами топал,
Их лично на Лубянку вызывал
И там профилактировал Андропов.

У партизан, у никарагуанских,
Они сидели в сигаретном дыме.
Длиною своих списков донжуанских
Никто не мог соревноваться с ними.

Их пышно принимала заграница,
Любила их Советская страна,
Из них никто не догадался спиться,
Ну, разве Ахмадулина одна.

И я смотрю с мучительной тоской
На светлые и творческие лица.
Они идут по Горького (Тверской),
Они идут по Герцена (Никитской).

Они идут в родимый ЦДЛ,
Чтобы стихи
читать там в ресторане,
Чтоб сталинист у стойки посинел
От смелости стихов, а не по пьяни.

Я там однажды в зале был дубовом
И на закуску скушал корнишон.
Я приглашён
туда был Шаргуновым,
Хотя бы лучше не был приглашён.

Сейчас сижу годами на мели,
Считаю лайки жалкие, паршивец.
Однажды вроде дело завели,
Да продолжать
банально поленились.

А ведь свирепо разевая пасть,
Строчил стишки,
наполненные злобой,
Но всё равно не замечает власть,
Я для неё не более микроба.

Смотрю на стену
с драными обоями
И думаю о прошлых временах,
Когда поэты были все секвойями
И облаками грозными в штанах.

Мой духовник, затянутый в парчу,
Сказал мне
строгим голосом педанта:
Напрасно я известности хочу
При роковом отсутствии таланта.

Кому он нужен,
мой бессильный лепет?
Имеет каждый то, что заслужил.
Ведь дружит же
с Захарченко Прилепин,
Как Евтушенко с Кастрою дружил!

Всеволод ЕМЕЛИН

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года
Регистрационный № ПИ 77-7768
Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13,
Тел. редакции: **8-499-246-00-54**. Наш сайт: **denlit.ru**
Электронный адрес: **denlitera@yandex.ru**
Газета отпечатана в АО «Красная Звезда», г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38. Тираж 4 000

Главный редактор
Владимир БОНДАРЕНКО
Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА

Точка зрения редакции может не совпадать с авторской 18 +

Подписано в печать 16.12. 2016 г. Заказ